

Увертюра

Долгое время я привык рано ложиться спать. Иногда, когда я тушила свечу, мои глаза закрывались так быстро, что я даже не успевала сказать: “Я иду спать”. А полчаса спустя мысль о том, что пора ложиться спать, будила меня; я пытался убрать книгу, которая, как мне казалось, все еще была у меня в руках, и погасить свет; я все время думал, пока спал, о том, что Я только что читал, но мои мысли потекли по своему собственному руслу, пока я сам, казалось, действительно не стал предметом обсуждения из моей книги: церковь, квартет, соперничество между Франсуа I и Карлом V. Это впечатление сохранялось в течение нескольких мгновений после того, как я просыпался; оно не тревожило мой разум, но ложилось, как пелена, на мои глаза и мешало им осознать тот факт, что свеча больше не горит. Тогда это начало бы казаться непонятным, какими должны быть мысли о прежнем существовании для перевоплощенного духа; тема моей книги отделилась бы от меня, предоставив мне свободу выбора, стану ли я ее частью или нет; и в то же время моя зрение вернулось бы, и я был бы поражен, обнаружив себя в состоянии темноты, достаточно приятной и успокаивающей для глаз и, возможно, даже больше для моего разума, которому это казалось непостижимым, беспричинным, поистине темным делом.

Я спрашивал себя, который сейчас час; я слышал свист поездов, который то приближался, то отдалялся, подчеркивая расстояние, как пение птицы в лесу, и открывал мне в перспективе пустынную сельскую местность, по которой путешественник спешил бы к ближайшей станции: путь то, за чем он последовал, навсегда запечатлелось в его памяти всеобщим возбуждением от пребывания в незнакомом месте, от совершения необычных поступков, от последних слов разговора, от прощаний, которыми обменивались под незнакомой лампой, которые все еще отдавались эхом в его ушах среди ночной тишины; и от восхитительной перспективы снова оказаться дома.

Я нежно прижималась щеками к удобным подушечкам, таким же пухлым и цветущим, как щечки младенца. Или я чиркал спичкой, чтобы посмотреть на часы. Почти полночь. Час, когда инвалид, который был

вынужденный отправиться в путешествие и переночевать в незнакомом отеле, просыпается в момент болезни и с радостным облегчением видит полоску дневного света, пробивающуюся из-под двери его спальни. О, радость из радостей! сейчас утро. Слуги будут здесь с минуты на минуту: он может позвонить, и кто-нибудь придет присмотреть за ним. Мысль о ощущение комфорта дает ему силы переносить свою боль. Он уверен, что слышал шаги: они приближаются, а затем затихают вдали. Луч света под его дверью погас. Сейчас полночь; кто-то выключил газ; последний слуга лег спать, и ему придется всю ночь пролежать в муках, и никто не придет ему на помощь.

Я засыпал и часто просыпался снова лишь на короткие промежутки времени, ровно настолько, чтобы услышать равномерный скрип деревянных панелей, или открыть глаза, чтобы разобраться в меняющемся калейдоскопе темноты, насладиться мгновенная вспышка восприятия, сон, тяжелым грузом навалившийся на мебель, на комнату, на все окружение, в котором я составлял лишь незначительную часть и в бессознательное которого я очень скоро вернусь, чтобы разделить его. Или, возможно, пока я спал, я без малейших усилий вернулся к более раннему этапу своей жизни, который теперь навсегда перерос; и попал во власть одного из моих детских страхов, такого как тот давний страх, что мой двоюродный дедушка будет дергать меня за кудри, который был успешно развеян в тот день — для меня это рассвет новой эры, — в который они были окончательно вырезаны из моей головы. Я забыл об этом событии во сне; я вспомнил его снова сразу же, как только мне удалось заставить себя проснуться, чтобы избежать пальцев моего двоюродного деда; и все же, в качестве меры предосторожности, я зарывался всей головой в подушку, прежде чем вернуться в мир грез.

Иногда также, точно так же, как Ева была создана из ребра Адама, так и женщина появлялась на свет, пока я спал, зачатая из-за некоторого напряжения в положении моих конечностей. Сформированный аппетитом, который я был на грани приятно, что именно она, как я себе представлял, предложила мне это удовлетворение. Мое тело, сознавая, что его собственное тепло проникает в ее тело, стремилось слиться с ней воедино, и я просыпался. Все остальное человечество казалось очень далеким по сравнению с этой женщиной, чью компанию я покинул всего мгновение назад: моя щека все еще была теплой от ее поцелуя, мое тело согнулось под ее тяжестью. Если бы, как иногда случалось, у нее была внешность какой-нибудь женщины, которую я знал в часы бодрствования, я бы полностью отдался единственному поиску о ней, как о людях, которые отправляются в путешествие, чтобы своими глазами увидеть какой-нибудь город, который они всегда мечтали посетить, и воображают, что могут наяву попробовать то, что покорило их воображение. А потом, постепенно, воспоминание о ней растворялось и исчезало совсем, пока я не забыл девушку из своей мечты.

Когда человек спит, вокруг него по кругу проходит цепочка часов, последовательность лет, порядок небесного воинства. Инстинктивно, когда он просыпается, он смотрит на них и в одно мгновение считывает свое собственное положение на поверхности земли и количество времени, прошедшего за время его сна; но эта упорядоченная процессия склонна сбиваться с толку и нарушать свои ряды. Предположим, что ближе к утру, после бессонной ночи, на него нисходит сон, в то время как он читает в позе, совершенно отличной от той, в которой он обычно ложится спать, ему достаточно поднять руку, чтобы остановить солнце и повернуть его вспять, и в момент пробуждения он не будет иметь представления о времени, но придет к выводу, что он только что лег спать. Или предположим, что он засыпает в каком-нибудь еще более ненормальном положении; сидя в кресле, скажем, после обеда: тогда мир сойдет со своей орбиты вверх тормашками, волшебное кресло понесет его на полной скорости сквозь время и пространство, и когда он снова откроет глаза, он представит себе что он заснул на несколько месяцев раньше и в какой-то далекой-далекой стране. Но для меня было достаточно, если в моей собственной постели мой сон был настолько тяжелым, что полностью расслаблял мое сознание; ибо тогда я терял всякое представление о месте, в котором заснул, и когда я просыпался в полночь, не зная, где я нахожусь, я не мог быть уверен сначала я был тем, кем я был; у меня было лишь самое элементарное ощущение существования, такое, какое может таиться и мерцать в глубинах сознания животного; я был более лишен человеческих качеств, чем пещерный житель; но затем память, еще не о место, в котором я был, но и множество других мест, где я жил и, вполне возможно, мог бы сейчас оказаться, появилось бы подобно веревке, спущенной с небес, чтобы вытащить меня из бездны небытия, из которой я никогда не смог бы выбраться сам: в мгновение ока я бы пересечь и преодолеть столетия цивилизации, и из наполовину визуализированной череды масляных ламп, за которыми следовали рубашки с отложными воротничками, постепенно сложились бы составные части моего эго.

Возможно, неподвижность вещей, которые нас окружают, навязана им самим нашей убежденностью в том, что они являются самими собой, а не чем-то другим, и неподвижностью наших представлений о них. Ибо всегда случалось, что, когда я просыпался вот так, и мой разум боролся в безуспешной попытке определить, где я нахожусь, все вокруг меня двигалось в темноте: вещи, места, годы. Мое тело, все еще слишком отяжелевшее ото сна, чтобы двигаться, прилагало усилия, чтобы истолковать форму, которую приняла его усталость, как ориентацию различных его членов, чтобы отталкиваться от того, где находится стена и мебель стоял, чтобы собрать воедино и дать название дому, в котором он, должно быть, живет. Его память, составная память ребер, коленей и лопаток, предлагала ему целый ряд комнат, в которых он в то или иное время спал;

в то время как невидимые стены продолжали меняться, приспосабливаясь к форме каждой из них. следующая комната, которую он запомнил, бешено кружась в темноте. И еще до того, как мой мозг, задержавшийся на размышлениях о том, когда что-то произошло и как это выглядело, собрал достаточное количество впечатлений, чтобы идентифицировать комнату, оно, мое тело, последовательно вспоминало из каждой комнаты, на что была похожа кровать, где находились двери, как проникал дневной свет заглядывал в окна, был ли там проход снаружи, что было у меня на уме, когда Я заснул, а проснувшись, обнаружил, что там никого нет. Застывшая сторона например, мое тело внизу, пытаюсь зафиксировать свое положение, представляло, что лежит лицом к стене в большой кровати с балдахин; и я сразу же говорил себе: "Да ведь я, должно быть, все-таки заснул, а мама так и не пришла ко мне". пожелай спокойной ночи!", потому что я был в деревне со своим дедушкой, который умер много лет назад; и мое тело, бок, на котором я лежал, преданно храня от прошлого впечатление, которое мой разум никогда не должен был забывать, воскресило перед моими глазами мерцающее пламя ночника в чаше из богемского стекла, имеющей форму урны и подвешенной на цепях к потолку, и каминной полке из сиенского мрамора в моей спальне в Комб-брей, в доме моей двоюродной бабушки, в те далекие дни, которые в момент пробуждения казались настоящими, но не были четко очерченными, но через некоторое время он станет еще яснее, когда я как следует проснусь.

Затем всплывало воспоминание о новом положении; стена отодвигалась в другом направлении; я был в своей комнате в загородном доме мадам де Сен-Лу; боже правый, должно быть, уже десять часов, они закончили ужинать! Я должно быть, я сам проспал, немного вздремнув, как я всегда делаю, когда возвращаюсь с прогулки с мадам де Сен-Лу, прежде чем одеться к вечеру. Уже много лет прошло со времен Комбре, когда, возвращаясь с самых долгих и поздних прогулок, я все еще успевал увидеть отражение заката, сияющего в стеклах окна моей спальни. Теперь в Тансонвилле совсем другое существование с мадам де Сен-Лу, и совсем другое удовольствие, которое я теперь получаю от прогулок только по вечерам, от посещения при лунном свете дороги, на которых я играл ребенком, залиты солнцем; а спальню, в которой я сейчас засну вместо того, чтобы переодеться к обеду, я вижу издалека, когда мы возвращаемся с прогулки, с лампой, светящей **В ОКНО, С ОДИНОКИЙ МАЯК В НОЧИ.**

Эти изменчивые и сбивчивые порывы воспоминаний никогда не длились дольше нескольких секунд; часто случалось, что во время моего периода неуверенности в том, где я нахожусь, Я не различал последовательные теории, в которых эта неопределенность была

состояла эта неопределенность, так же, как, наблюдая за бегущей лошадью, мы не выделяем последовательные положения его тела в том виде, в каком они отображаются на биоскопе. Но я видел сначала одну, а затем другую из комнат, в которых я спал в течение своей жизни, и в конце концов я снова посещу их все в течение долгого времени моего сна наяву: комнаты зимой, когда, ложась спать, я сразу же зарывалась головой в гнездо, сооруженное из самых разных материалов: уголка моей подушки, верхушки моих одеял, куска шали, края моей кровати и номера вечерней газеты, все это я бы ухитрился с бесконечным терпением птиц, строящих свои гнезда, соединить в единое целое; комнаты, где в сильный мороз я чувствовал бы удовлетворение от того, что закрыт от внешнего мира (подобно морской ласточке, которая строит дом в конце темного туннеля и поддерживается в тепле окружающей средой земля), и где, при поддерживаемом всю ночь огне, я спал бы, укутанный, так сказать, в огромный плащ из уютного и ароматного воздуха, пронизанный отсветом поленьев, которые снова вспыхивали бы пламенем: в своего рода нише без стен, теплой пещере выкопанная в самом сердце комнаты зона тепла, границы которой постоянно смещались и меняли температуру по мере того, как порывы воздуха пробегали по ним, чтобы вновь ударить мне в лицо, из углов комнаты, или из мест рядом с окном, или вдали от камина, который, следовательно, был оставались холодными — или комнаты летом, где я с удовольствием ощущал бы себя частью теплого вечера, где лунный свет, падающий на полуоткрытые ставни, отбрасывал бы к изножью моей кровати свою волшебную лестницу; где я засыпал бы, как это могло бы быть на открытом воздухе, как синица, которую легкий ветерок удерживает в фокусе солнечного луча, или иногда комната в стиле Людовика XVI, такая веселая, что я никогда не чувствовал себя по-настоящему несчастным, даже в мою первую ночь в ней: эта комната, где расходились стройные колонны, слегка поддерживающие потолок, очень изящно, чтобы указать, где стояла кровать, и держать ее отдельно; иногда снова та маленькая комната с высоким потолком, выдолбленная в виде пирамиды из двух отдельных этажей и частично обшитая стенами из красного дерева, в которой с первого мгновения мой разум был одурманен незнакомым ароматом цветущих трав, убежденный во враждебности фиолетовых занавесок и наглом безразличии о часах, которые стрекотали во весь голос, как будто Меня там не было; в то время как странное и безжалостное зеркало на квадратных ножках, которое стояло в другом углу комнаты освободилось место, которое я не ожидал найти в тихом окружении моего обычного поля зрения: та комната, в которой мой разум, часами заставляющий себя покидать свои причалы, вытягивался вверх, чтобы принять точную форму из комнаты и добраться до вершины этой чудовищной воронки, прошло столько тревожных ночей, пока мой

тело лежало, вытянувшись в постели, мои глаза смотрели вверх, мои уши напряглись, мои ноздри тревожно шмыгали, а сердце колотилось; пока обычай не изменил цвет занавесок, не заставил часы замолчать, не придал выражение жалости жестокому, наклонному циферблату стекла, не замаскировал или даже полностью не развеял **аромат цветущих трав и явно не уменьшил кажущуюся высоту потолка.** Обычай! тот умелый, но неторопливый менеджер, который начинает с того, что неделями мучает разум своими предварительными договоренностями; которого разуму, несмотря ни на что, **посчастливилось обнаружить,** ибо без помощи привычки он никогда бы не ухитрился своими собственными усилиями сделать так, чтобы любая комната казалась пригодной для жилья.

Конечно, теперь я окончательно проснулся; мое тело повернулось в последний раз, и добрый ангел уверенности заставил все окружающие предметы остановиться, **уложил меня под одеяло в моей спальне и установил,** приблизительно на их правильные места в неверном свете, мой сундук с выдвижными ящиками, мой письменный стол, мой камин, окно, выходящее на улицу, и обе двери. Но мне было бесполезно знать, что я не был ни в одном из этих домов, которые в глупый момент пробуждения, если я и не видел их в точности, я все еще мог поверить в их возможное присутствие; потому что память теперь пришла в движение; как правило, я не пытался сразу снова заснуть, а проводил большую часть ночи, вспоминая нашу прежнюю жизнь в Комбре с моей двоюродной бабушкой, в Бальбеке, Париже, Донсьере, Венеции и других местах; снова вспоминаю все места и людей, которых я знал, что я на самом деле видел о них и что мне рассказывали другие.

В Комбре, как и каждый день, заканчивался полдень задолго до того времени, когда я должен был когда мне приходилось подниматься в постель и лежать там, не смыкая глаз, вдали от мамы и бабушки, моя спальня становилась неподвижной точкой, на которой сосредоточивались мои меланхолические и тревожные мысли. Кому-то пришла в голову счастливая идея подарить мне, чтобы отвлечь меня по вечерам, когда я казался необычайно несчастным, волшебный фонарь, который обычно устанавливался поверх моей лампы, пока мы ждали наступления времени ужина: на манер мастеров-строителей и художников по стеклу готики днями это заменяло непрозрачность моих стен неосязаемой радужностью, многоцветные сверхъестественные явления, в которых были изображены легенды, как на изменчивом и преходящем окне. Но мои печали только усилились, потому что эта перемена освещения разрушила, как ничто другое не смогло бы разрушить привычное впечатление, сложившееся у меня о моей комнате, благодаря чему сама комната, если бы не попытка лечь в нее спать, стала вполне сносной. Ибо теперь я больше не узнавал его, и мне стало не по себе, как будто я находился в комнате какого-нибудь отеля или меблированных комнат, в месте, куда я только что прибыл поездом на